

Директор поднял глаза и с сожалением вздохнул:

— Они не сироты, их нельзя усыновить.

— Не сироты? Но почему тогда они в детском доме? — не удержавшись, подошел HR-менеджер компании «Пунктир», работавший неподалеку.

— В прошлом году прошла специальная кампания по борьбе с торговлей людьми, спасли много детей. Те, чьи родители заявляли в полицию, уже вернулись домой. А эти — те самые оставшиеся, чьих родителей найти не удалось, — уклончиво ответил директор. Но все присутствующие сразу всё поняли: этих детей родные родители продали добровольно.

Раз родители сами продали своего ребенка, заявлять в полицию они, естественно, не стали. Зацепок нет, вернуть их невозможно. А поскольку родители живы, сиротами эти дети не считаются, и усыновить их нельзя — вот и приходится им оставаться здесь.

В свое время Чжай Чэнь оказался точно в такой же ситуации: смерть его родителей не была подтверждена, поэтому его случай рассматривали как продажу ребенка ближайшими родственниками. Усыновить его было нельзя, но можно было оформить опеку и взять на воспитание в семью Гао Юйшэна.

Пока они разговаривали, мимо прошла женщина средних лет с большим пакетом сладостей. Она помахала рукой ребенку, который прятался за турником. Лицо мальчика, еще мгновение назад грустное, тут же озарилось радостью, и он бросился в ее объятия.

— Мама принесла тебе много вкусного и твой любимый йогурт, — женщина приоткрыла пластиковый пакет, показывая ребенку гору еды и игрушечную машинку.

Однако ребенок не проявил ни малейшего интереса, лишь молча смотрел на нее.

Под его взглядом у женщины потекли слезы:

— Мама что-нибудь придумает, совсем скоро я заберу тебя домой.

Воспитательница детского дома тут же подбежала, отвела ребенка в сторону и стала уговаривать женщину поскорее уйти.

— Это семья покупателей, — объяснил директор Чжай Чэню и остальным. По правилам, спасенных детей категорически запрещено возвращать покупателям, и даже под временную опеку в их дома отдавать нельзя.

— Правило абсолютно верное, иначе какой смысл в их спасении? Но детей все равно ужасно жалко, — покачал головой HR-менеджер, вздыхая.

Гао Юйшэн посмотрел на молча плачущего ребенка и вдруг, приблизившись к уху Чжай Чэня, тихо спросил:

— Брат, ты скучаешь по семье Ли Дахая?

Ли Дахай был названным отцом Чжай Чэня в той горной деревне. На самом деле Ли Дахай относился к нему неплохо: если не считать того, что постоянно заставлял работать, в остальном кормил-поил хорошо, редко ругал и бил, а изредка даже брал с собой в поселок продавать лесные припасы. Это было куда лучше, чем у горбатого отца Гао Юйшэна.

Чжай Чэнь покачал головой:

— Он смотрел на меня так же, как на любую другую вещь в доме.

Чувства всегда взаимны. Хотя Чжай Чэнь и был благодарен семье Ли за то, что они подобрали его и кормили, те люди никогда не относились к нему как к родному сыну. Для них он был лишь средством продолжения рода. И только когда он впервые увидел Сяо Тяньцы — эти живые, ясные глаза, полные искренней привязанности и доверия, — он наконец почувствовал свою связь с этим миром и понял, что такое настоящие чувства.

Глаза Гао Юйшэна при этих словах слегка блеснули, и он невольно потянулся, чтобы взять Чжай Чэня за руку, но тот увернулся.

— На нас твои сотрудники смотрят. Взрослый уже, а все к брату ластишься — засмеют ведь, — рассмеялся Чжай Чэнь и легонько подтолкнул его. — Пошли, нам еще в следующий детский дом ехать.

Тем временем в Южном районе оперативники в штатском вели скрытое расследование вокруг подпольного игорного притона в Чжоучжае.

С одной стороны, при поддержке местного отделения полиции они под предлогом проверки временной регистрации проводили поквартирный обход Чжоучжая, выявляя приезжих и тайно разыскивая женщину с фоторобота — Сестру Ся. С другой стороны, Сяо Ма поручили прикинуться уличным бездельником и попытаться внедриться в притон.

У Сяо Ма было вытянутое, угловатое лицо, и выглядел он далеко не так благонадежно, как Фан Чуян. Облачившись в аляповатую разноцветную футболку, он примостился у лотка с малатаном и закурил, идеально слившись с местной публикой. Очень скоро он завязал разговор с сидевшим за тем же столом парнем.

— Работы сегодня нет, охота где-нибудь развлечься. Не знаешь, где тут можно в картишки перекинуться? — Сяо Ма угостил парня дешевой газировкой за один юань.

— А во что играть собрался? — подмигнул тот.

Сяо Ма кивнул подбородком в сторону жилого дома неподалеку:

— Бывал там? Слышал от одного знакомого сверху, что там весело, да сам никак не дойду.

Вскоре они, по-братски обнявшись за плечи, направились к тому самому дому, где, по словам Сяо Ли, и находился игорный притон.

Поскольку Фан Чуян вчера расспрашивал продавца в лавке и мог себя выдать, а излишне простодушный Чэнь Чжаохуэй легко мог проколоться, к внедрению в притон их не привлекли. В итоге оба устроились на каменных ступенях у въезда в поселок: официально это называлось «стоять на шухере», а на деле означало обычное безделье.

Обычно у придорожных или угловых зданий устраивают полуметровые бордюры для защиты от наезда машин. Вот на таком уступе они и примостились с сигаретами, ничем не отличаясь от местных бездельников, которые точно так же сидели повсюду и лениво переговаривались.

Рядом с Чжоучжаем располагался старый детский дом, надпись на вывеске которого гласила: «Детский дом Гаоюань Южного района». С того места, где они сидели, он был виден как на

ладони.

— Раньше он назывался иначе — Приют Гаюань, — неожиданно заговорил Чэнь Чжаохуэй, глядя на вывеску.

— Откуда знаешь? — Фан Чуян затянулся сигаретой.

— Я там жил, — не без гордости ответил Сяо Чэнь.

Фан Чуян слышал об этом впервые и знатно удивился. Он знал, что Чэнь Чжаохуэй рано остался без родителей, но и не подозревал о его детдомовском прошлом:

— Ты разве не в деревне вырос?

Чэнь Чжаохуэй был человеком неразговорчивым, обычно молча трудился и никогда не откровенничал о своем прошлом, лишь изредка упоминая, как в детстве рвал финики в деревне.

— В раннем детстве — в деревне, — пояснил Сяо Чэнь. Его родители тогда уехали на заработки и долго не возвращались. Позже пришла весть, что на шахте произошел несчастный случай. Соседский дядя забрал его с собой в город, но потом и он куда-то пропал, так мальчик и оказался в этом детском доме.

Фан Чуян оглянулся на жилой дом — там пока все было тихо. Он поднялся, разминая затекшие от долгого сидения ноги, и позвал Сяо Чэня пройтись вокруг детского дома.

— Условия тут не очень, но директор — золотой человек, — косноязычно рассказывал Сяо Чэнь, указывая Фан Чуяну на список благотворителей. В графе пожертвований за этот месяц значилось и имя самого Чэнь Чжаохуэя. — Владелец той шахты сбежал, его до сих пор не нашли. Вот я и решил стать полицейским, чтобы ловить таких негодяев.

Фан Чуян некоторое время молча смотрел на список, затем похлопал Сяо Чэня по плечу:

— Ты молодец, оправдал надежды.

Чэнь Чжаохуэй смущенно почесал затылок.

— Трудное детство кого-то ломает, а кого-то, наоборот, закаляет, — Фан Чуян напустил на себя вид строгого начальника, собираясь подбодрить подчиненного, как вдруг услышал, что его зовут. Он одеревенело повернул голову: — Конечно, за исключением некоторых особо одаренных лиц.

— А? — Сяо Чэнь глуповато обернулся, проследив за взглядом капитана.

У припаркованного на обочине роскошного лимузина стоял мужчина в защитной маске и махал рукой Фан Чуяну:

— Второй дядя! Ты-то что здесь делаешь?

Фан Чуян тут же развернулся, собираясь уйти.

Во время расследования следовало держаться как можно дальше от приносящего неудачи Чжай-Конана.

Видя, что Фан Чуян его игнорирует, Чжай Чэнь благоразумно не стал его преследовать.

— Они на задании, верно? — подошел ближе Гао Юйшэн и негромко спросил.

— Да ну его, — махнул рукой Чжай Чэнь и полез в багажник за вещами. Основная партия гуманитарной помощи ехала в грузовике следом, а ценные мелочи погрузили в машину Гао Юйшэна.

Сделав вдох из кислородного баллончика, Чжай Чэнь с легкостью подхватил два моноблока, словно это были пустые картонные коробки.

— Ой-ой, давайте я один возьму, — поспешил на помощь секретарь Чжэн. Другие могли и не узнать Чжай Чэня под маской, но он-то сразу признал в нем телохранителя на экскаваторе, возлюбленного «брата» генерального директора Гао.

— Не надо, не удержишь, — Чжай Чэнь покосился на одетого с иголки секретаря Чжэн и решительно обошел его, направившись к столу для пожертвований у входа в детский дом. Стол был покрыт синей бархатной скатертью, местами изрядно потертой.

С первого взгляда было очевидно, что это учреждение выглядит куда беднее и запущеннее тех двух, что находились в Центральном и Новом районах.

Маленький двор, обнесенный железной оградой, был залит неровным, потрескавшимся бетоном, сквозь стыки которого пробивалась трава. С западной стороны сиротливо пустовала песочница, едва заполненная песком, а с восточной тянулись бельевые веревки — где-то из проволоки, где-то из лоскутов ткани. Волонтеры из компании «Пунктир» трудились здесь уже больше половины дня: на веревках сушилась детская одежда, обувь и постельное белье, а в стороне лежала куча выполотых сорняков.

Гао Юйшэн стоял у входа и долго, не отрывая взгляда, смотрел на ржавую вывеску «Детский дом Гаоюань» над железными воротами.

— Юйшэн, иди посмотри на это, — Чжай Чэнь на людях не называл его детским именем, а также не хотел привлекать лишнего внимания к себе как к героическому телохранителю, поэтому не стал обращаться «генеральный директор Гао».

Услышав свое имя, Гао Юйшэн тут же смягчился в лице, стряхнув холодную отстраненность, и направился к нему.

<http://bllate.org/book/18293/1757126>